

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Телевидение РАДИО

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДА И КОММУНА
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ

ЛЕНИНГРАД, ПРОГРАММЫ ПЕРЕДАЧ

с 8 по 14 августа

№ 22 (1488)
6 августа 1988 г.
Суббота
22-й год издания
Цена 2 коп.

Радио

Телевидение

Анатолий Нутрихин

Ради нескольких строчек в газете

*Записки о Доме прессы
и Доме радио*

Анатолий Нутрихин

**Ради нескольких строчек
в газете. Записки о Доме
прессы и Доме радио**

«Издательские решения»

Нутрихин А.

Ради нескольких строчек в газете. Записки о Доме прессы и Доме радио / А. Нутрихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909494-0

Воспоминания ветерана питерской журналистики оживляют эпизоды прошлого Лениздата и Ленинградского-Петербургского радио. Автор рассказывает о людях, с которыми его связывали деловые и личные отношения: редакторах, режиссерах, артистах, фотокорреспондентах. В книге приведены уникальные снимки из архива автора, сделанные в разное время фотокорреспондентами газеты «Телевидение. Радио». Книга адресована тем, кто интересуется историей Санкт-Петербурга, его культурой и искусством.

ISBN 978-5-44-909494-0

© Нутрихин А.
© Издательские решения

Содержание

«Откуда родом я?	6
«Среди удач и неудач...»	6
Дитя семнадцатого года	9
Всё для Победы!	11
(Лениздат в войну)	11
Обитатели «горбушки»	13
За штурвалом Лениздата	17
(Леонид Попов)	17
Старый правдист	20
(Владимир Соловьёв)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ради нескольких строчек в газете Записки о Доме прессы и Доме радио

Анатолий Нутрихин

Редактор Наталья Нутрихина

© Анатолий Нутрихин, 2018

ISBN 978-5-4490-9494-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Откуда родом я? Скажу: из Лениздата...»

«Среди удач и неудач...»

Пословица гласит: не место красит человека, а человек место. Почти полвека трудился я в небольшой газете «Телевидение. Радио», которая поначалу была просто скромной программой передач телевидения и радио. Но сейчас, на склоне лет, не жалею о прошлом: как получилось – так получилось. Заново жизнь не переиграешь!

Газета (она и сейчас существует) представляла собой малое подразделение Лениздата – крупнейшего издательско-полиграфического комплекса города на Неве. Я трудился в нем с 1958 года по 2008-й, часто общался с незаурядными личностями. Ведь, как сказал Евгений Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет». И я решил рассказать о некоторых из них. Мои записи субъективны, избирательны, но, надеюсь, привлекут внимание любознательных читателей.

В целом, я вспоминаю о Лениздате, с теплотой, даже ностальгией. Такое же отношение к нему, например, у прозаика Марка Ланского, который писал:

«Большая и лучшая половина моей жизни связана у меня с этим уголком старого Петербурга: Чернышева площадь, Торговый переулок, Фонтанка... Первый материал, напечатанный в вечерней «Красной газете» в 1928 году, первый очерк, первый фельетон, первая книга...

От нового многооконного здания память уводит меня к стертým ступеням бывшего царского министерства... По этим ступеням со своими первыми стихами шагали многие ныне знаменитые поэты. Вся ленинградская литература прошла по лестницам и коридорам этого старого здания».

И не только литераторы приносили свои рукописи, но и производственники, ученые, артисты... Издательство не раз переезжало на новое место. Менялись адреса, но всегда сохранялось чувство признательности авторов, чьи книги рождались в Лениздате, кто понимал его культурное значение. Поэт Михаил Дудин к пятидесятилетию Лениздата сочинил следующую мажорную, пронизанную юмором оду:

Лениздат. Фото П. Маркина

Среди удач и неудач.
Ты, Лениздат, у нас один.
Здесь издавался классик Чехов
И неоклассик Лев Куклин.
Здесь Лев Толстой и Маяковский
Встают, как глыбы, в ряд один.

Но двадцатью годами раньше видный деятель Пролеткульта И. И. Ионов находился на пике успеха. К нему, в Смольный, за листовками и брошюрами спешили посланцы фабричных и заводских комитетов, красногвардейцы и матросы. Агитационный материал печатали в типографиях города в суровых условиях той зимы. Ионов вспоминал: «Трубы замерзают. В мастерских холодно. Но работать надо. Сотни рабочих-печатников грузят дрова далеко за Петроградом; другие горячей паклей отогревают трубы, трети, закоченев, держат в руках верстатки».

С Пановой мерится Минчковский,
С Розеном сам Евгений Мин.
Здесь табуном идут поэты
В необозримый белый свет,
Соединенные в кассеты
И в одиночку, без кассет.
Здесь занимательные споры
Ведут с прокофьевской строкой
Параллелепипеды Сосноры
(Почти по Блоку) вечный бой.
Здесь чепуровские гвоздики
Цветут над гранинской строкой.
Хотя таланты многолики —
Всех беспокоит непокой.
Идет великое сражение
За выход в свет и за тираж.
Умов высокое брожение,
Необоримых мыслей раж...
Он наш Парнас и наши ясли,
Мучение и торжество.
Да будут в мире не напрасны
Дела и помыслы его.
И если ты груздем назвался,
То бодро в этот кузов лезь.
Я тоже первый издавался
И переиздавался здесь.
Ты наша жизнь и наша право,
Подспорье мысли и мечте.
Пусть лениздатовская слава
Всегда стоит на высоте.

Два десятилетия спустя Вадим Шефнер откликнулся на очередной юбилей издательства таким четверостишием:

Семьдесят лет – это славная дата,
И, хоть она весьма велика,
Не постареет душа Лениздата,
Ведь впереди у него – века!

Мог ли Вадим Сергеевич представить себе, что через каких-то пять лет лениздатовский корабль-гигант потерпит крушение.

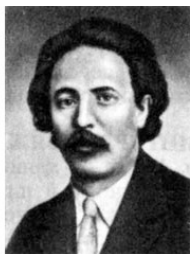
Дитя семнадцатого года

Когда Вадим Сергеевич Шефнер писал вышеприведенный стих, казалось, что Лениздату ничто не угрожает и впереди у него долгий путь, начатый в незабываемом 1917 году.

Тогда, 12 декабря (29 ноября), в Смольном институте, на дверях комнаты №51, появилась табличка, гласившая, что здесь обосновалось новое издательство Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Фактически оно родилось на несколько месяцев раньше. Сразу после Февральской революции, на первом заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, была создана так называемая Комиссия по изданию газет, листовок и воззваний. Потом ее переименовали в издательско-типографский отдел, которым руководили эсеры и меньшевики.

Большевики, придя к власти, полностью обновили кадровый состав всех отделов Петросовета. Комиссию переименовали в издательство, руководство которым доверили члену РСДРП с 1904 года, недавнему узнику Шлиссельбургской крепости, поэту Илье Ионову. И дело пошло. У ИONOва имелаcь поддержка в верхах. Он был близок к одному из руководителей большевиков Григорию Зиновьеву. Сестра ИONOва – Злата Лилина – была женой Зиновьева. Все это позднее трагически аукнулось Ионову: в 1937 году его расстреляли.

Но двадцатью годами раньше видный деятель Пролеткульта И. И. Ионов находился на пике успеха. К нему, в Смольный, за листовками и брошюрами спешили посланцы фабричных и заводских комитетов, красногвардейцы и матросы. Агитационный материал печатали в типографиях города в суровых условиях той зимы. Ионов вспоминал: «Трубы замерзают. В мастерских холодно. Но работать надо. Сотни рабочих-печатников грузят дрова далеко за Петроградом; другие горячей паклей отогревают трубы, трети, закоченев, держат в руках верстатки».

Илья Ионов

Издательство выпускало плакаты и книги на политические темы, печатало большими тиражами сочинения В.И.Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса. В 1918 году были изданы ленинские труды «Государство и революция», «Успехи и трудности советской власти». В следующем году вышел «Букварь для взрослых». В 1920 году – книга «Долой неграмотность». Увидели свет новые произведения Д. Бедного, В. Князева, А. Гостева, М. Герасимова и других пролетарских поэтов.

В 1919 году декретом ВЦИК на базе издательства Петросовета было создано Петроградское отделение Госиздата. В него вошли все государственные издательства города. Ему дали название «Петрогосиздат» (сокращенно – Петрогиз) и переселили в здание бывшей компании Зингера на Невском проспекте, 28.

В это время была основана первая массовая серия издательства – «Народная библиотека», начавшая знакомить массового читателя с сочинениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. Некрасова. В двадцатых годах в серии «Классики русской литературы» были переизданы собрания сочинений Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Достоевского. В 1922 году

полиграфической базой Петрогосиздата стала вышеупомянутая типография министерства внутренних дел, одна из старейших в городе.

В следующем году при издательстве образовали специальный комитет по изданию русских классиков. Его председателем избрали И.И.Ионова. Членами комитета согласились стать авторитетные литературоведы Б.М.Эйхенбаум, Б.Л.Модзалевский, Б. В. Томашевский, Н. К. Пиксанов и известный историк П. Е. Щеголев. По рекомендациям комитета Петрогиз познакомил читательскую массу со многими произведениями русской и зарубежной классической литературы.

В 1924 году в связи с переименованием Петрограда в Ленинград издательство получило новое название – «Ленгиз» и было укрупнено. В него в том же году включили издательство: «Всемирная литература», в 1927-м – «Прибой». Происходили и отпочкования: из Ленгиза в разное время выделилась «Вестник Ленсовета», «Ленинградская правда» и т. д.

Итогом этих перестроек стало создание в декабре 1930 года Газетно-журнального издательства облисполкома ВКП (б) и облисполкома Ленсовета. 14 мая 1938 года оно было укрупнено и получило сокращенное название – «Лениздат». В 1955 году издательство административно полностью объединили с типографией, носившей имя В. Володарского, члена Петроградского комитета РСДРП (б), редактора «Красной газеты», убитого в 1918 году эсерами.

Всё для Победы!

(Лениздат в войну)

Во время Великой Отечественной войны издательство и типография не прекращали работу ни на один день. Большинство сотрудников ушло на фронт. Каждый оставшийся трудился за троих.

В условиях блокады в типографии имени Володарского печатались произведения В.И.Ленина, посвященные военной тематике, актуальные брошюры «Всё для фронта, всё для победы», «Съедобные дикорастущие травы». Вышли в свет серии книг о городах-героях и о великих русских полководцах, публиковались инструктивные материалы МПВО.

В наиболее трудном для издательства 1942 году оно выпустило печатную продукцию 65-ти наименований, преимущественно листовки и плакаты. В нем трудились редакторы М.М.Казанский, И.А.Осипов, главный бухгалтер Н.А.Кирова и еще несколько истощенных голодом людей. Когда отсутствовал транспорт, начальник экспедиции Е.В.Крутова отвозила пачки листовок и брошюр в Штаб обороны города на саночках. Кирову и Крутову я знал: они работали в Лениздате и после войны.

Смерть наступала полиграфистов в цехах, на улице и дома. Стереотипер И. М. Бартедьев, уходя из типографии, оставил сменщику записку: «Пошел умирать». Посыльный пришел к Бартедьеву и сказал: «Твой сменщик не придет. Стереотип отливать некому. Газета не выйдет». Мастер вернулся, отлил и отделал полосы «Ленинградской правды», взял в руки свежий номер, сел отдохнуть и уснул навсегда.

Переплетный цех после бомбежки

«Особенно памятна для нас, ветеранов, первая блокадная зима 1941—42 годов, – вспоминала начальник наборного цеха А.А.Семенова. – Зима выдалась на редкость суровой, в цехах стоял лютый мороз. У наборщиков и верстальщиков руки буквально примерзали к металлу. Люди, ослабевшие от голода, едва держались на ногах. Каждый день мы теряли товарищей, близких: умер, убит при артобстреле, погиб в бомбежку. Скончался от дистрофии и мой муж. Но никто не имел права предаваться личному горю. Тем более я, начальник наборного цеха.

Мы набирали и верстали газеты «Ленинградская правда» и «Краснознаменный Балтийский флот». Их ждали труженики блокадного города и воины Ленинградского фронта. И газета выходила даже тогда, когда фашистская бомба угодила рядом с нами, в Фонтанку, и в цехе было

повреждено оборудование, вода залила значительную часть помещения. Цех перекочевал в бомбоубежище и продолжал работать».

Здание редакции газеты «Ленинградская правда» и типографии имени Володарского значились на картах противника как объекты, подлежащие уничтожению. Налеты вражеской авиации и артобстрелы происходили почти каждый день. 4 сентября 1941 года одна из бомб пробила верхние этажи здания и взорвалась на втором этаже, причинив разрушения переплетному цеху. 21 января 1942 года при очередном налете загорелась книжная экспедиция. Пожар тушила своя команда местной противовоздушной обороны.

В типографии Лениздата изготавливали продовольственные карточки для населения. «Бывая в типографии, я видел, с каким старанием печатали работницы эти простые листки, и как они радовались, когда в карточках обозначались повышенные нормы выдачи хлеба, – вспоминает в своей книге «События, встречи» бывший главный редактор Лениздата Владимир Борисович Соловьев.

«Мелкие людишки завидовали печатницам: они, мол, всегда сыты, сами печатают себе карточки... Но за всю войну не было случая, чтобы кто-нибудь из этих работниц воспользовался хотя бы одной хлебной карточкой».

Печатались карточки в «особом» цехе, где был установлен строгий контроль. Этот цех закрыли в 1947 году в связи с отменой карточной системы.

Летом 1942 года были приняты меры к восстановлению основательно пострадавших полиграфических предприятий города. Положение заметно улучшилось в 1943 году после прорыва блокады. В Лениздате увеличили штат редакторов. В горкоме партии составили план выпуска литературы, согласно которому была издана книжечка для партизан Ленинградской области. Большими тиражами печатались плакаты, призывающие к обороне города, к уборке улиц, посадке овощей и подготовке к зиме.

После прорыва и снятия блокады в Ленинграде стала восстанавливаться нормальная жизнь. Возвращались эвакуированные жители, город делался многолюднее.

Обитатели «горбушки»

В военное и послевоенное время книжная редакция Лениздата размещалась в Апраксином дворе по адресу: Торговый переулок, 3, в небольшом желтом здании с надстройками. Окрестные жители называют его «горбушкой». В 1944 году в нем обосновалась вновь созданная редакция художественной литературы. Ее возглавил вернувшийся с фронта после ранения офицер Михаил Смирнов. Перед ним начальство поставило задачу наладить постоянный выпуск произведений современных авторов и переиздания классики.

Михаил Михайлович трудился в Лениздате более двадцати лет. Я хорошо его помню. Интеллигентные черты лица, высокий лоб, очки делали его немного похожим на Александра Грибоедова. Он сумел создать команду профессиональных редакторов, наладил связи с Союзом писателей. Вскоре на витринах книжных магазинов появились новые книги: роман Веры Пановой «Спутники», поэма Александра Прокофьева «Россия», рассказы Ивана Соколова-Микитова...

С издательством стали сотрудничать и начинающие авторы.

«Помню, зашел к нам в редакцию худощавый офицер в больших кирзовых сапогах, – вспоминал Смирнов, – щеголевато вскинул руку к фуражке и, щелкнув каблуками, доложил: «Гвардии старший лейтенант Дудин принес на ваш суд рукопись». Это были стихи, составившие основу будущей книги поэта – «Переправа».

Однажды – уже после войны – Дудин привел к нам бывшего офицера-танкиста Сережу Орлова. Тот скромно сидел на стуле, потом достал из полевой сумки тетрабочку и прочитал несколько стихотворений. Помню, как поразило нас ставшее впоследствии хрестоматийным «Его зарыли в шар земной». Уходя, Орлов оставил мне свою тетрабочку, а вскоре принес вторую. Так родилась его первая книжка «Третья скорость», сразу ставшая значительным явлением молодой советской поэзии военной поры».

Продолжительное время работали у Михмиха редакторами деловитый Петр Копытин, потрясающий эрудит Александр Бессмертный, белокурая красавица Лидия Плотникова. Помню и миниатюрную Таню Зубкову, и крупную, царственную Татьяну Боголепову, и жизнерадостную, цветущую Нину Чечулину.

Михаил Смирнов

Позднее Нина Александровна так вспоминала один из моментов жизни редакции:

«За большим обшарпанным столом сидит задумчивый Петя Копытин и рядом с ним не менее задумчивый Леонид Соловьев. Редактор и писатель давно и безнадежно молчат. Но очень скоро у этих печальных молчунов выйдет самая жизнеутверждающая на свете книга – «Повесть о Ходже Насреддине». Мне же, как самой молодой и заливистой, конечно, по душе сверстники,

знаменитые «три мушкетера» – Витя Курочкин, Витя Конецкий и Валя Пикуль.

К концу дня народу в редакции набивается столько, что «сидящие в кружок», не видят друг друга. Всё плавает в синем дыму. Курили тогда без зазрения совести, здоровье не берегли. Писатели являлись к нам «на огонек» прямым ходом, даже не раздеваясь, – вешалка была прямо в комнате за шкафом. Сколько же было редкостных людей, сколько интереснейших рассказов!»

Нина Чечулина

После ухода Смирнова на пенсию его место занял Петр Копытин, проявивший себя и растущим прозаиком, таланту которого не было суждено полностью раскрыться: Петр Федорович рано ушел из жизни.

Несколько лет эту редакцию возглавлял мой университетский однокурсник Евгений Габис. Выше среднего роста, крепкий, энергичный. В студенческие годы он и я участвовали в строительстве Медведковской межколхозной электростанции на востоке Ленинградской области. В то лето я, раздетый по пояс, копал в котловане землю, бегал с тачкой, а Габис, в матросской тельняшке, рубил топором ряжи.

По окончании Университета он работал корреспондентом двух центральных газет, был редактором в журнале «Нева». А через несколько лет занял должность спецкора «Литературной газеты» по Ленинграду.

У редкого журналиста карьера складывалась столь успешно. Причем, Габис был лишен какого-либо зазнайства, с ним всегда было можно перемолвиться словом, опрокинуть рюмку коньяку. Но за победами у него последовали неудачи.

Евгений Габис

Работа Габиса в должности заведующего редакцией художественной литературы пришлась на восьмидесятые годы, когда жизнь издательства текла вроде бы в привычном русле, но уже давала сбои. Обкомовское начальство дергалось чаще, чем раньше. Оно нашло какие-то недостатки в выпущенных издательством книжках. Дирекция осталась в стороне, а Габису

отвели роль виноватого стрелочника. Не знаю подробностей этой истории, но окружающие ему сочувствовали.

У Евгения имелся накопленный годами авторитет. Его взяли в издательство «Советский писатель», но и там журналисту не повезло: его подвел один из писателей. Габиса снова уволили. Эти потрясения сказались на его здоровье. В 1990 году он скончался. После него осталось несколько книг, вышедших в свет под псевдонимом «Николин», интересные острые статьи и очерки в «Литературной газете».

Инна Сенина

Я знаком с вдовой Габиса Инной Сениной, в то время сотрудницей отдела краеведческой литературы. Кстати, она была последним редактором книги «Менделеев в Петербурге», написанной мною вместе со школьным однокашником, профессором Александром Макаре-ней. Книжка рождалась долго, сменилось несколько ее редакторов. В том, что она не была «заредигирована» окончательно, немалая заслуга Инны Александровны.

Другой мой приятель – Игорь Трофимкин – тоже несколько лет трудился в редакции художественной литературы. Его, как и меня, в 1968 году послали в Чехословакию военным переводчиком. Позднее он подарил мне свою книгу о Ярославле Гашеке.

Одним из ветеранов этой редакции был Александр Девель, опытный журналист, профессиональный переводчик с немецкого. Он познакомил русских читателей с несколькими новыми романами Вилли Бределя и Лизелотты Вельскопф-Генрих. Саша дарил мне каждую переведенную им книгу с трогательным автографом.

Девель и я перевели и опубликовали в журналах две детективные повести Вольфганга Кинаста. Иногда мы вместе ходили в спортивную комнату Лениздата, была такая при проф-коме, подтягивались там на турнике, поднимали штангу. Александр Александрович был одним из трех коллег, давших мне в 1983 году рекомендацию в Союз журналистов СССР.

Александр Девель

Поэзию в этом отделе много лет редактировал Борис Друян, весьма искушенный в таких делах журналист, спустя годы, перешедший в журнал «Нева». Этим же позднее занимался другой мой давний знакомый – Николай Сотников, критик и поэт, пишущий стихи под псевдонимом «Николай Ударов». Он вел на Радио «Петербург» программу о ленинградских поэтах военной поры.

Последним завом отдела был Александр Белинский, писатель, участник Великой Отечественной войны.

Редакция считалась престижной: интересная работа и сравнительно высокие гонорары. Здесь, например, из года в год издавали серию «Школьная библиотека». Делались эти книги сравнительно просто. Составители брали программу министерства просвещения по литературе. По ней и формировали сборник произведений того или иного классика. Вводную статью заказывали какому-нибудь ученому из Пушкинского Дома или из Института имени Герцена.

«Составительских денег» хватало на покупку «Москвича» или «Запорожца». Такую халтуру давали обычно раз в год. Но переходить в этот «элитный» отдел мне не хотелось: у его сотрудников был нормированный день, а мне хотелось иметь свободное время, чтобы написать что-нибудь самому. Впрочем, устроиться туда без связей было почти невозможно.

За штурвалом Лениздата

(Леонид Попов)

Леонид Васильевич Попов, седовласый мужчина почти двухметрового роста работал в Лениздате директором с 1955 года. В прошлом он – кадровый военный. До 1941 года руководил в Ленинграде 6-й средней артиллерийской школой. Командные навыки обрел еще во время советско-финской кампании.

Когда началась Великая Отечественная война, опытного артиллериста отправили служить в медсанбат 1-й гвардейской дивизии Народного ополчения: в тот момент орудий было мало, раненых – много. И только позднее понадобились знания Попова-артиллериста. Войну он закончил в должности заместителя командира полка по артиллерийской части. А потом несколько лет был директором Ленинградского книготорга.

В Лениздат Попов привел фронтового товарища – Василия Павловича Слеткова и сделал своим заместителем по хозяйственной части (просто завхозом много лет работал Лев Абрамович Рухманов). Оба были энергичны, просты в обращении. Попов лично знал почти всех подчиненных и при встречах приветствовал их. Мне, молодому «новобранцу», он всегда первым протягивал руку и называл по имени-отчеству.

Когда умер мой отец, директор прислал мне письмо с выражением соболезнования и помог деньгами на похороны.

Кабинет Попова долгое время украшал огромный дореволюционный стол, верх которого был затянут зеленым сукном. По слухам, этот стол когда-то принадлежал министру внутренних дел Петру Аркадьевичу Столыпину. Сидя за ним, директор проводил совещания и летучки. Потом, правда, в кабинете появилась современная мебель.

Сюда Попов изредка приглашал на совещания и сотрудников газеты «Телевидение. Радио», где работал я. Она имела тогда огромный тираж (до миллиона экземпляров) и была для издательства курицей, несущей золотые яйца. На совещании директор делал наставления, говорил общие слова, которые нами забывались, как и сами встречи, похожие одна на другую. Но однажды у меня была личная встреча с Поповым, которая запомнилась.

Леонид Попов

Рабочих и служащих летом посылали на сельскохозяйственные работы на восток Ленинградской области. Они из года в год заготавливали сено, копали картофель в колхозах Ефимов-

ского и Тихвинского районов. Местные жители денег зарабатывали мало. Культура на селе хромала. Мужик, который выпаживал картошку, громко матерился, и наши женщины, подбравшие ее, смущались. Мы просили пахаря помолчать. Он оправдывался: мол, лошадь без мата с места не стронется...

Нередко мужчинам (в том числе и мне) приходилось носить шестипудовые мешки с семенным зерном – из железнодорожного вагона в грузовик. Непривычный физический труд, вечернее безделье настраивали некоторых приехавших на выпивки и мимолетные романы. По возвращении нашей бригады в город одна из женщин, возможно, обойденная мужским вниманием, пожаловалась в партком: мол, в колхозе мужчины-лениздатовцы предавались пьянству и разврату. Секретарь был в отпуске, и Попову как члену парткома пришлось самому реагировать на сигнал. Он вызвал к себе в кабинет и меня, прямо спросил:

– В деревне пили, развратничали?

– Случалось, после работы выпить, – признался я, – а насчет разврата ни-ни...

– Ну, иди, – миролюбиво разрешил Леонид Васильевич.

Он и сам не враждовал с Бахусом, охотно участвовал в праздничных застольях книжной редакции. Выпив, мог и станцевать. Помню, как он шел в фокстроте с Лорой Орлеанской из сельхозотдела под мелодию песенки:

«Дамы, дамы, приглашайте Леню!

Там где галстук, там – перед.

Шаг налево, шаг направо.

А потом наоборот».

Веселились обычно в просторном холле на четвертом этаже нового здания издательства. Потом это помещение разгородили на узкие кабинеты.

Попов умел отдыхать и работать, заботился о подчиненных. При нем многие сотрудники улучшили свои жилищные условия. В Рошине был построен детский оздоровительный городок, состоявший из десяти жилых зданий, кинозала, столовой, административных и других помещений.

В создание пионерского лагеря издательство вкладывало свой доход в течение десяти лет, прекратив покупку жилья у города. В перестроечное время этот замечательный центр детского отдыха оказался заброшенным и разрушается.

Помимо пионерлагеря, у Лениздата имелась круглогодичная база отдыха в Зеленогорске. В издательстве действовали буфеты, недорогая типографская столовая и здравпункт, похожий на клинику, в ней работал и стоматолог.

На четвертом этаже, в актовом зале, устраивали не только собрания, но и культурные мероприятия. Здесь проходили встречи с отечественными и зарубежными деятелями искусства. Помню, как на сцене этого зала выступали Василий Павлович Соловьев-Седой и Цецилия Мансурова, Марсель Марсо и Марлен Дитрих...

Иностранцы, которых привозили в Дом прессы, нередко полагали, что тут их атакует толпа журналистов, но встреча протекала как концерт, а зал заполняли, преимущественно, охочие до зрелищ работницы типографии. Разумеется, присутствовали и служащие, и начальство во главе с Поповым.

Правда, с годами директор стал реже появляться на таких мероприятиях, сказывался возраст. Поговаривали, что он начал дремать на совещаниях в горкоме партии: и в верхах ему намекнули: не пора ли на пенсию? Леонид Васильевич уехал в Москву, к сыну, и в декабре 1989 года скончался.

После Попова издательством руководил П. А. Становой, до этого управлявший делами Ленинградского обкома партии. Его назначение в Лениздат было значительным понижением

по служебной лестнице. Он болезненно переживал романовскую опалу и через год умер: у него обнаружили раковую опухоль. После него директорствовал Н.И.Ермаков, которого через год перевели в Книготорг, на ту же должность.

Затем десять лет издательство возглавлял В.П.Набирухин. Выпускник восточного факультета Университета, китаист, он преуспел на комсомольской и партийной ниве. Умение работать с людьми, общая культура дали Вадиму Павловичу возможность несколько лет плодотворно управлять Ленинградским отделением издательства «Советский писатель». Положительно оказался и результат его деятельности в Лениздате.

Набирухин умер в ноябре 2005 года после тяжелой и продолжительной болезни.

Старый правдист

(Владимир Соловьёв)

Главным редактором в 50-х – 60-х годах был крепкий мужчина среднего роста с суровыми, выразительными чертами лица – Владимир Соловьёв. Друг знаменитого журналиста Михаила Кольцова. Представитель поколения, сформировавшегося в тридцатые годы...

Родился и вырос он в Царицыне в семье рабочего-металлурга. В мартеновском цехе начался и трудовой путь Володи. Заводской парнишка писал стихи и заметки в цеховую стенгазету. Его дар был замечен: юношу взяли на работу в редакцию газеты «Крестьянская правда».

Потом – годы учебы в Москве, в Институте журналистики, и возвращение в город на Волге. Назначение редактором ежедневной многотиражки «Даешь трактор». В Сталинграде тогда рождался первый отечественный крупный тракторный завод. Владимир Соловьёв был послан на завод как корреспондент центрально «Правды», и его информации и репортажи часто появлялись на её страницах. А в конце 30-х годов Соловьёву доверили руководство корреспондентским пунктом «Правды» в Ленинграде. Здесь и застало его начало Великой Отечественной войны.

«Ленинградские газетчики с самого начала войны находились в боевом строю, – вспоминал Соловьёв. – Как только объявили призыв в народное ополчение, в городе стала выходить ежедневная газета „На защиту Ленинграда“. И в каждой ополченческой дивизии были созданы редакции, готовые начать выпуск дивизионных газет... Многие мои товарищи уже находились в действующей армии: Иван Франтишев, Лев Ганичев, Марк Ланской. Призвали в армию и меня...».

Владимир Соловьёв был сначала редактором газеты «Красный Балтийский флот», а затем – «На страже Родины». Его жизнь не раз подвергалась опасности. Однажды журналисту пришлось под вражеским огнем пройти 25 километров по льду Финского залива в форт Красная Горка. Он брал интервью на батареях защитников Ораниенбаумского плацдарма, ездил под бомбежками по ладожской «Дороге жизни». В мирное время Соловьёв снова – собкор «Правды» по Ленинграду, главный редактор «Вечерки» и Лениздата.

Владимир Соловьёв

По работе мне пришлось с ним общаться мало. Близко я познакомился с Владимиром Борисовичем, когда он вышел на пенсию. Случилась беда. Он возвращался домой из гостей от писательницы Веры Пановой, с мужем которой литератором Давидом Даром дружил, и угодил под трамвай. Ему отрезало ногу. Став инвалидом, Соловьёв писал мемуары. Его книга «События, встречи» увидела свет в 1972 году. Я бережно храню ее в своей библиотеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.